

Оглавление

ЧАСТЬ I	7
ЧАСТЬ II	223
ЧАСТЬ III	395
Эпилог	593
Благодарности	598
Примечания. <i>М. Куренная</i>	601

Глава 1

Сентябрь 1785

Рабочий кабинет Джоны Хэнкока, трапециевидный в плане и с кессонным потолком, похож на каюту. Побеленные стены, черные плинтусы, плотно пригнанные одна к другой балки. Ветер гудит вдоль Юнион-стрит, дождь барабанит в окно. Мистер Хэнкок упирается локтями в столешницу и опускает лоб в ладони. Потирая пальцами череп, он нащупывает пучок жестких волос, пропущенный цирюльником, и бесцельно его теревит, слегка удивленный, но без малейшего раздражения. В приватной обстановке мистер Хэнкок не особо заботится о своем внешнем виде, а на людях всегда носит парик.

Он — дородный господин сорока пяти лет, одетый в сукно, бумазею и лен, старые добрые ткани под стать его бритому пятнистому черепу, серебристой щетине, шершавым пальцам в чернильных пятнах. Он далеко не красавец и никогда таковым не был (а сейчас, восседая на высоком деревянном табурете, со своим толстым брюхом и тонкими ногами и вовсе похож на крысу в стойке), но его добродушное мясистое лицо вызывает симпатию, а маленькие глазки с белесыми ресницами смотрят ясно и доверчиво. Он человек, по полному праву занимающий свое положение в обществе: торговец и сын торговца, чей отец тоже занимался торговлей, — истинный сын Дептфорда, которому подобает не выражать изумление или восхищение раз-

ными редкими вещами, проходящими через его огрубелые руки, но лишь оценивать их стоимость, записывать названия и количество и переправлять все в сверкающий огнями, кипящий жизнью город за рекой. Корабли, которые он отсылает в дальнее торговое плавание, — «Орел», «Каллиопа», «Лоренцо» — бороздят океаны по всему миру, но сам Джона Хэнкок, тишайший из людей, каждую ночь засыпает в той самой комнате, где сделал первый свой вздох.

Свет в окне тусклый, зловещий, предгрозового. Дождь льет стеной. Счетные книги, разложенные на столе, кишат буквами и цифрами что насекомыми, но мистеру Хэнкоку никак не сосредоточиться на работе, и он даже радуется, услышав шорох за дверью.

«Ага, это Генри», — думает мистер Хэнкок. Но когда он встает и обходит стол, оказывается, что это всего лишь кошка. Она в самом низу лестницы, хвостом вверх: задние лапы широко расставлены на нижней ступеньке, а передние крепко прижимают к полу судорожно дергающуюся мышь. Маленькая пасть ощерена, клыки торжествующе блестят, но поза ненадежная. Чтобы встать на все четыре, кошке наверняка придется отпустить добычу.

— Пш-ш! Пошла вон! — говорит мистер Хэнкок.

Кошка крепко зажимает мышь в зубах и скачками уносится по коридору. Он уже не видит ее, но все еще слышит частый мягкий стук лап и глухие шлепки об пол мышиного тельца, которое она подбрасывает снова и снова. Он наблюдал за этой игрой уже много-много раз, и кошка всегда словно бы вопрошала о чем-то громким мявом, до неприятного похожим на человеческий голос.

Мистер Хэнкок возвращается к столу, тряся головой. Он мог бы поклясться, что сейчас там был Генри, спускался по лестнице. Воображение уже нарисовало ясную картину: высокий худой сын, в белых чулках, с каштановыми кудрями, на миг остановившийся за дверью, чтобы с широкой

улыбкой войти к нему, в облаке золотой пыли. Подобные видения являлись ему не часто, но всякий раз повергали в смятение, ибо Генри Хэнкок умер при рождении. Мистер Хэнкок человек незатейливый, но он так и не сумел смириться с мыслью, что в ту минуту, когда его жена изнеможенно откинулась на подушку после родов и испустила свой последний несчастный вздох, его жизнь навсегда отклонилась от нормального русла. Ему постоянно казалось, что тот, в ком он должен был продолжиться, совсем рядом и время от времени показывается, словно выглядывающая из-за занавеса, который внезапно отодвигается и тотчас задвигается снова. В первый год своего вдовства, к примеру, однажды во время карточной игры он ощутил теплое живое давление на свое колено и ласково глянул вниз, ожидая увидеть крепкого карапуза, вцепившегося ему в ногу, чтобы встать. Почему он весь передернулся от отвращения, обнаружив, что это рука Молл Ренни, ползущая вверх по его бедру? В другой раз, на ярмарке, он вдруг впился взглядом в яркий игрушечный барабанчик и только на полпути домой сообразил, что у него нет сынишки, которому можно его подарить. Уже пятнадцать лет минуло, но до сих пор, в редкие минуты, когда бдительность притупляется, мистер Хэнкок по-прежнему слышит звонкий голос, долетающий с улицы, или чувствует, что кто-то дергает его за рукав, и думает «это Генри», как если бы у него всегда был сын.

Жена Мэри никогда ему не является таким образом, хотя она была для него истинным благословением. Она скончалась в возрасте тридцати трех лет, славная тихая женщина, которая много чего повидала в этом мире и была вполне готова к переходу в мир иной. Мистер Хэнкок точно знает, где она сейчас, и не сомневается, что рано или поздно воссоединится с ней там, и этого для него достаточно. Он скорбит только по их сыну, который прошел путь

от рождения до смерти столь быстро, обменяв одно забытье на другое, словно спящий, перевернувшийся с боку на бок.

Сверху доносится голос его сестры Эстер Липпард — она навещает его каждый первый четверг месяца, чтобы провести ревизию продуктовой кладовой и бельевого шкафа, громко ахая при виде того, что там обнаруживается. Вдовый брат — обременительное наследство, но сулящее выгоду ее детям: если сейчас миссис Липпард ради него забрала свою самую младшую дочь из школы и приставила к нему домработницей, она вправе рассчитывать на вознаграждение в будущем.

— Ну вот, видишь, в простынях завелась плесень! — возмущенно восклицает она. — Если бы ты хранила постельное белье, как я тебе наказывала... Ты записала мои наставления в блокнот?

В ответ слышится невнятное бормотание.

— Так записала или нет? Это ведь не для моего блага, Сюзанна, а для твоего.

Тишина. Мистер Хэнкок живо представляет себе несчастную Сьюки, мертвенно-бледную, с виновато понуренной головой.

— Честное слово, от тебя больше неприятностей, чем пользы! Где твой красный шнурок? А? Опять потеряла? Ну и кто заплатит за новый, как по-твоему?

Мистер Хэнкок тяжело вздыхает и почесывается. Где дружная многодетная семья, которая заполнила бы все комнаты большого дома, построенного его дедом и тщательно обустроенного его отцом? Мертвые все здесь, вне всякого сомнения. Он чувствует их присутствие повсюду, в смоленых половицах и лестничном хребте, в колокольном звоне церкви Святого Павла, что перед домом, и церкви Святого Николая, что позади него. Руки корабельных плотников живут здесь в длинных, плавно изогнутых балках, вызывающих в воображении брюхо огромного корабля, в двер-

ных и оконных перемычках, украшенных резными цветами и птицами, ангелочками и мечами, вековыми свидетельствами труда и фантазии давно умерших людей.

Но нет здесь детей, которые бы в свою очередь восхищались искусным мастерством дептфордских резчиков по дереву, не имеющих себе равных в мире; которые росли бы, глядя на корабли, что один за другим выходят из доков, чистенькие, нарядные, под завязку груженные, и возвращаются потрепанные, с изодранными парусами. Дети Джоны Хэнкока знали бы, как знает он сам, что значит вкладывать всю свою веру и огромные деньги в корабль и отправлять его в неизвестность. Они знали бы, что человек, ждущий свой корабль, как ждет сейчас мистер Хэнкок, не ведает покоя днем и не спит ночами, беспокойно ворочаясь в постели, ощущая горький вкус желчи во рту. Он раздражителен с близкими — или, наоборот, чрезмерно чувствителен. Сейчас он сидит, сгорбившись за столом, снова и снова царапая пером одни и те же цифры, складывая, вычитая и умножая. Он кусает ногти.

Зачем все эти знания, если они умрут вместе с Джоной Хэнкоком? Какой смысл во всех его радостях и печалях, если ему не с кем их разделить? Для чего это его лицо и этот его голос, если они обречены на бесследное исчезновение? Чего стоит все его состояние, если оно засыхает виноградной лозой и некому сорвать с нее плоды?

Но все же иногда есть что-то еще.

Все крупные предприятия начинаются одинаково: серьезные мужчины собираются в кофейном доме и, поскребывая подбородки, тщательно взвешивают все «за» и «против».

— Я, пожалуй, войду в дело, — наконец говорит один.

— И я.

— И я тоже.

Ибо в торговом мире ты никогда ничего не добьешься в одиночку. Внеси свою долю и получи из общего кошелька. Вот почему человек здравомыслящий никогда не связывается с пьяницами, шалопаями, игроками, ворами и всеми иными, обделенными милостью Всевышнего. Ты делаешь ставку на кого-то и разделяешь последствия чужих ошибок. А ведь маленькому суденышку так просто налететь на скалы. А ведь корабельному грузу так просто упокоиться на темной глубине пяти фатомов. Пускай легкие у моряков просолены и пальцы словно промаринованы в морской воде, но именно поэтому они и ограждены от несчастий дланью Господней.

Что говорит Бог мистеру Хэнкоку? Где «Каллиопа», капитан которой не прислал ни единой весточки за последние полтора года? Лето на исходе. С каждым днем градусник опускается все ниже. Если «Каллиопа» не вернется в самое

ближайшее время, то никогда уже не вернется, и вина за это ляжет на него. Что такого он сделал, чтобы заслужить столь тяжкое наказание? Кто поставит на него впрямь, если он прослывет невезучим? Где-то в океане меняется течение. Там, где от горизонта до горизонта лишь мерцающая водная зыбь, где волна набухает и со вздохом сворачивается, посылая соленый шепот мистеру Хэнкоку.

«Это плавание особое», — говорит шепот, странное трепыхание в самом сердце.

Оно все изменит.

И внезапно, в тишине своего рабочего кабинета, этот побитый жизнью человек, уткнувшийся лбом в ладони, вдруг испытывает детскую радость предвкушения.

Дождь ослабевает. Кошка с хрустом грызет мышинный череп. И когда она смачно облизывается, мистер Хэнкок наконец позволяет себе исполниться надежды.

Глава 2

Из-за дождя все птицы попрятались, но какая-то ворона только что спорхнула со стропил дома мистера Хэнкока и теперь распушает атласные черные перья, наклонив голову набок и озирая мир одним бледным придирчивым глазом. Если ворона расправит крылья, то уловит в них влажный ветер, налетающий порывами с улиц внизу и приносящий запахи горячей смолы, речного ила, едкую аммиачную вонь сыромятни. А если она спрыгнет с карниза и взмоет над крышами Юнион-стрит, то в два счета достигнет судоверфи, колыбели будущих кораблей, которые даже в своем младенчестве возвышаются над всеми окрестными зданиями. Иные из них, с просмоленными полированными бортами, трепещущими флагами и поблескивающими носовыми фигурами, уже готовы к спуску на воду. Другие — пока еще просто полые остовы из свежеструганного дерева — лежат в сухом доке, похожие на громадные белые скелеты китов.

Если же ворона устремится отсюда на северо-восток, следуя вдоль изгиба реки, и пролетит без остановки шесть миль... возможно ли вообще такое? Каковы привычки этих птиц? Насколько обширна территория их обитания? Но если ворона проделает такой путь в небе с отползающими к горизонту тучами, она доберется до Лондона, где оба берега реки сплошь изрезаны большими и малыми доками,

среди которых есть и высокие желтокаменные, и низенькие дощатые, покосившиеся и почерневшие от времени.

Вода надежно заперта между длинными причалами и мостами, но после ливня она грозно вздувается и колыхается. Белопарусные корабли идут по ней медленно, с трудом, а лодочники собираются с духом, чтобы вывести свои маленькие суденышки прочь от берега, борясь с течением. Когда солнце все же выглянет из-за туч, предполагаемая ворона пролетит над сверкающим стеклом саутворкских дынных теплиц, над зданием таможи, над ярусным шпилем церкви Святой Бригитты, над оживленной площадью Севен-Дайелс и в конце концов достигнет Сохо. Когда она станет спускаться к сточной канаве на Дин-стрит, ее тень проскользит по окну на втором этаже одного особого дома, мимолетно заслонив дневной свет, льющийся в комнату, и лицо Анжелики Нил на мгновение скроется в темноте.

Анжелика Нил, свежая и благоуханная, как заварной крем на розовой воде, сидит за туалетным столиком, лениво поедая тепличные фрукты из вазы, в то время как ее подруга, миссис Элиза Фрост, осторожно вытаскивает у нее из волос последнюю подпаленную папильотку. Она снова затянута в корсет, на плечи наброшена накидка для пудрени, но щеки у нее все еще пылают румянцем после ночных трудов, и взгляд невольно обращается, снова и снова, к прелестному отражению в зеркале, словно к лицу возлюбленного. Канарейка в клетке прыгает и свистит, зеркала вокруг сверкают. На столике — ленты, серьги, хрустальные флакончики. Каждый день женщины перетаскивают его из темной гардеробной в солнечную гостиную, чтобы сэкономить на свечах.

— Скоро необходимость в этом отпадет, — говорит Анжелика, окутанная облачком пудры для волос. — С началом сезона, когда спрос на развлечения вырастет и ко мне станут ходить чаще, мы заживем гораздо лучше.

Измятые треугольнички папильоток на полу испещрены словами уэслианской проповеди, ибо все до единой вырезаны были из душеспасительных брошюр, ежедневно раздаваемых продажным женщинам Дин-стрит.

— Хм-м... — произносит миссис Фрост, ловко скручивая золотистые волосы подруги в валик и укладывая пышной короной на макушке. Она вынимает зажатые в губах шпильки, чтобы ответить внятно. — Надеюсь, ты права.

Они живут в этих комнатах уже две недели, платя за них банкнотами из пачки, которая, хотя и бдительно оберегаемая миссис Фрост, с каждым днем становится все тоньше и тоньше.

— Все-таки у тебя на душе беспокойно, — вздыхает Анжелика.

— Да, кошки скребут. С деньгами у нас то густо, то пусто, то нет ничего. Что будет завтра — одному Богу ведомо...

— Это не моя вина.

Анжелика возмущенно распахивает глаза и дергает плечом, отчего сорочка у нее на груди сползает на дюйм ниже. Анжелика и впрямь не виновата: до прошлого месяца она находилась на содержании у пожилого герцога, который все три года сожительства души в ней не чаял, но забыл упомянуть в завещании.

— И ты уже дошла до того, что позволяешь мужчинам лишние вольности, — говорит миссис Фрост.

Серебряная щетка сверкает в солнечном свете. Миссис Фрост высокая и худая; лицо у нее ненакрашенное, с гладкой тугой кожей, напоминающей тончайшую лайку. Определить ее возраст затруднительно, поскольку внешность у нее под стать ее простому опрятному платью, которое она дочиста протирает губкой каждый вечер и старательно бережет от износа.

— Мужчинам, которые недурно платят, тем самым избавляя меня от дополнительной работы. Послушай, голу-

бушка. Я знаю твоё мнение на сей счет, но раз уж ты живешь на мои средства, я не обязана его выслушивать.

— Ты себя компрометируешь.

— А как еще мне обеспечивать нас? Это ведь ты у нас скрупулезно ведешь учет доходов-расходов, вот и ответ — как. Впрочем, нет, даже рта не раскрывай: я наперед знаю, что ты скажешь. Примешься выговаривать мне за расточительность. Но ни один мужчина не станет расплачиваться банкнотами с девицей, которая выглядит так, словно удовлетворяется и шестипенсовиком. Я должна заботиться о своем внешнем виде.

— Ты ничего не смыслишь в финансах, — говорит миссис Фрост. — И даже не представляешь, как это усложняет мне жизнь.

Сквозь тело Анжелики пробегает слабый электрический разряд. Она хватается за ручки кресла и топает обеими ногами по полу, от чего папильотки подпрыгивают, шурша своими крылышками, испещренными черными типографскими буквами.

— У меня тоже жизнь не сахар, Элиза!

— Держи себя в руках.

Из пудреницы вылетает очередное облачко пудры.

— Все, довольно! — Анжелика легонько похлопывает ладонями по прическе. — Иначе натуральный цвет не будет виден. — Она очень дорожит своими густыми золотистыми волосами, когда-то сыгравшими решающую роль в ее судьбе. В нежной юности ей довелось служить помощницей и моделью у итальянского куафера, и (согласно легенде) именно у него толстушка Анжелика обучилась не только искусству ухода за собой, но и искусству любви.

Женщины молчат. Когда споры заходят в тупик, обе благоразумно предпочитают придержать язык: недовольно расходятся, как кулачные бойцы по углам площадки, оставаясь каждая при своем мнении. Миссис Фрост сгре-

бает с пола бумажки и бросает в камин, а Анжелика снова тянется к фруктовой вазе и отщипывает одну за другой несколько виноградин, зажимая их в кулаке. Потом слизывает сок с тыльной стороны запястья. Косой солнечный луч, падающий в окно, приятно греет щеку. Анжелике двадцать семь лет, и она все еще очень хороша собой, чему причиной отчасти везение, отчасти жизненные обстоятельства, отчасти здравомыслие. Ярко-голубые глаза и чувственная улыбка подарены ей природой; тело и душа не отмечены тяготами, которые пришлось бы познать в супружестве; кожа у нее чистая и свежая, грот наслаждений благоуханен, и нос цел-целехонек благодаря мешочкам из бараньей кишки, которые она хранит в отдельной шкатулке перевязанными зелеными тесемками и тщательно моет после каждого использования.

— Умереть — лучшее, что он мог сделать, — наконец миролюбиво говорит Анжелика. — И успел как раз вовремя: к началу светского сезона.

Компаньонка по-прежнему хранит молчание.

Но Анжелику это не обескураживает.

— Теперь я совершенно независима.

— Это-то меня и тревожит. — Миссис Фрост неодобрительно поджимает губы, но снова подступает к креслу Анжелики.

— Ох и весело же я заживу, никому ничем не обязанная!

— Ну да, без всякой поддержки и помощи.

— Ах, Элиза! — Анжелика чувствует прикосновение прохладных пальцев к голове и поворачивается в кресле, чтобы взглянуть подруге в лицо. — Я целых три года ни с кем не виделась. Ни балов, ни приемов, ни развлечений. Сидела взаперти в унылой крохотной гостиной.

— Он щедро тебя обеспечивал.

— И я ему благодарна за это. Но я многим жертвовала, знаешь ли. Тот художник, выставивший мой портрет в Академии художеств, — он нарисовал бы меня еще тыщу

раз, кабы герцог не запретил. Разве не могу я теперь позволить себе немного сумасбродства?

— Сиди смиренно, или я никогда не закончу.

Анжелика откидывается на спинку кресла.

— Я знавала и худшие дни. Я в четырнадцать лет осталась одна-одинешенька на всем белом свете.

— Да, да.

Миссис Фрост — до того как стала миссис Фрост — чистила камин в заведении миссис Элизабет Чаппел, знаменитом «Храме Венеры», где Анжелика Нил — до того как стала Анжеликой Нил — танцевала голая.

— Так чего волноваться-то? Если меня выбрал один мужчина, значит и другие выберут. Просто сейчас мне надо почаще бывать в обществе, вращаться в правильных кругах, повсюду показываться, чтобы снова приобрести известность, решительно нам необходимую. Ни одна из великих куртизанок особой красотой не отличалась, знаешь ли, во всяком случае, хорошеньких среди них — по пальцам счесть. А вот я настоящая красotka, верно?

— Ну да.

— А значит, — говорит Анжелика, — успех мне обеспечен.

Она впивается зубами в персик и снова откидывается в кресле, с удовольствием глядя на свое жующее и глотающее отражение.

— Я только не уверена... — начинает миссис Фрост.

— Думаю, мужчины найдут меня еще более привлекательной, чем раньше, — перебивает Анжелика. — Теперь мне не придется корысти ради лебезить перед всяким, кто меня возжелает. Мое положение позволяет мне самой выбирать.

— Но разве ты не...

— Синюю ленту в волосы, пожалуй.

С улицы доносится шум. Прыгая по булыжной мостовой, к дому подкатывает небесно-голубое ландо, с обеих

сторон украшенное изображением золотого сфинкса с обнаженными женскими грудями. Анжелика вскакивает на ноги.

— Она приехала! Сними фартук! Впрочем, нет, не надо. Не хочу, чтобы ты выглядела одной из нас.

Анжелика подбегает к окну, на ходу сбрасывая с плеч запорошенную пудрой накидку.

Закатное солнце заливает улицу золотисто-медовым дымчатым светом. В ландо, среди юных барышень в белом муслине, восседает сама миссис Чаппел, настоятельница «Королевской обители». Телосложением она напоминает громоздкое кресло; платье на ней смотрится мебельной обивкой; необъятная грудь, с диванный валик размером, вздымается под бежевой тафтой с золотым позументом. Когда ландо останавливается, миссис Чаппел тяжело встает, растопырив руки в сверкающих перстнях. Два негра в лазоревых ливреях проворно спрыгивают с запяток, чтобы помочь ей сойти.

— Опять новые слуги, — говорит Анжелика, глядя, как негры подхватывают хозяйку под локти, а девушки управляют фестоны, украшающие ее обширный зад. — Бедные простофили еще не знают, что она платит им вдвое меньше, чем они стоят на самом деле.

Ландо покачивается на упругих рессорах, когда миссис Чаппел грузно сходит на булыжную мостовую, шурша накрахмаленными кружевами. Несколько крохотных собачонок резво выскакивают из экипажа, девочки кидаются за ними, и все они вприпрыжку носятся взад-вперед, мелькая пушистыми хвостами и пушистыми шляпными перьями, в то время как миссис Чаппел, пошатываясь, стоит на месте, поддерживаемая под руки лакеями.

— Очень умно с ее стороны нанимать чернокожих, которые совсем недавно прибыли из Америки и еще не знают себе цену. Только подумай, Элиза! Освободиться из рабства, чтобы попасть в услужение к *ней*.

Эти блистательные гости Дин-стрит не остаются незамеченными. Какая-то прачка с тюком на спине раздраженно шипит сквозь зубы, но ее юная подсобница с убранными под чепец волосами стоит столбом, зачарованно глядя. Четверо мальчишек принимаются свистеть и улюлюкать; мужчины приветственно снимают картузы или опираются на ручки своих груженных тачек и ухмыляются. Девочки самодовольно улыбаются ямочками щек, плавно покачивают юбками, безостановочно обмахиваются веерами. Они грациозно изгибают шеи и изящно выворачивают кисти, как бы ненароком показывая белоснежную кожу предплечий. Анжелика поднимает окно и высовывается наружу, приложив ладонь щитком к глазам.

— Моя дорогая миссис Чаппел! — восклицает она, и все барышни разом вскидывают головы и начинают махать веерами еще живее; солнце сверкает золотом в волосах Анжелики. — Как мило с вашей стороны навестить меня!

— Полли! — рявкает миссис Чаппел. — Китти! Элинора! Девочки замирают навтыжку, с возбужденно блестящими глазами.

— Элиза, нужно перенести столик! — шипит Анжелика. Миссис Фрост торопливо сгребает на нем в кучу ленты, серьги и прочие украшения.

— Я совсем ненадолго, — громко сообщает миссис Чаппел, прижимая руку к могучей груди, рвущейся из корсажа.

— Ах, поднимайтесь же! Поднимайтесь! — кричит Анжелика, к которой теперь приковано внимание всей Дин-стрит. — Выпьете чашечку чаю. — Она отступает от окна. — Боже мой, Элиза! У нас хоть есть чай в доме?

Миссис Фрост смахивает с груди клочок розовой бумаги.

— У нас всегда есть чай.

— Ах, ты просто прелесть! Сущий ангел! Что бы я без тебя делала?

Анжелика подхватывает туалетный столик с одной стороны, миссис Фрост — с другой, и они тащат его, мелко

шаркая ногами, как немощные старухи, чтобы ничего с него не уронить. Фрукты в вазе трясутся и подпрыгивают, зеркало дребезжит на подставке.

— Ты знаешь, зачем она явилась, — пыхтит Анжелика. — Здесь мы с тобой заодно, надеюсь?

— Я свое мнение ясно выразила. — Миссис Фрост пытается принять чопорный вид, но безуспешно, поскольку она нелепо семенит задом наперед, поглядывая через плечо, чтобы не наткнуться на стену.

— Дай мне немного времени, и я рассею твои тревоги. — В гардеробной они с трудом обносят столик вокруг узкой жесткой кровати миссис Фрост. — Скорее! Скорее! Ставь прямо тут, задвинем на место потом, когда они уйдут. А теперь беги, *беги*, встречай гостей. И не забудь хорошенько протереть блюдца, прежде чем раздать, Мария протирает из рук вон плохо, неряха такая.

Миссис Фрост исчезает вмиг, что болотный огонек, но Анжелика задерживается в темной гардеробной, оценивающе рассматривает себя в зеркале. С расстояния она выглядит очаровательно — маленькая, ладная, изящная. Она подходит ближе и наклоняется к зеркалу, упираясь рукой на столик. Холодное стекло на миг затуманивается от дыхания: словно крохотное облачко набегает на лицо в отражении и тотчас тает. Анжелика наблюдает, как расширяются и сужаются ее зрачки; изучает свои губы, все еще припухшие после недавней работы. Кожа вокруг глаз у нее белая и гладкая, как яичная скорлупа изнутри, но на обеих щеках — по крохотной морщинке, похожей на вмятинку от ногтя, и между бровями — еще одна, которая углубляется, когда Анжелика хмурится, приглядываясь к ней. Из коридора внизу слышится хихиканье девочек и грозные увещевания миссис Чаппел:

— Что за легкомыслие? Что за разнузданное поведение на улице? Разве такому я вас учила?

— Нет, миссис Чаппел.

Хрустнув пальцами, Анжелика возвращается в гостиную, удобно усаживается в кресло и тщательно расправляет юбки.

— Неужто вы станете гордиться собой, когда какой-нибудь умник пропечатает вас в газете? Когда в «Таун-энд-Кантри» напишут, что воспитанницы миссис Чаппел, цвет английского девичества, играли в чехарду посреди улицы, точно неотесанные дочери пивоваров? Ну и ну! Неслыханное дело! Дай-ка я обопрюсь на тебя, Нелл, самой мне лестницу не одолеть.

Шумно пыхтя и отдуваясь, миссис Чаппел входит в комнаты Анжелики, поддерживаемая под локоть рыжеволосой Элиной Бьюли.

— Ах, дорогая миссис Чаппел! — восклицает Анжелика. — Как приятно! До чего же я рада видеть вас! — Она несколько не лукавит: миссис Чаппел в известном смысле заменяет Анжелике мать, и не стоит думать, что ремесло, которым они занимаются, исключает искреннюю привязанность друг к другу. В конце концов, содержательницы публичных домов не единственные мамы, наживающиеся на своих дочерях.

— Усадите меня, голубушки, усадите скорее! — задыхливо бормочет миссис Чаппел и вперевалку направляется к маленькому лакированному стулу; Анжелика и мисс Бьюли крепко хватают ее под руки, словно пытаются удержать садовый тент на сильном ветру.

— Только не туда! — вскрикивает миссис Фрост, чей испуганный взгляд мечется между тучным телом миссис Чаппел и тонкими ножками стула.

— Вот, сюда! — пищит черноглазая квартиронка Полли, выволакивая из угла кресло и в самый последний момент подставляя его на пути настоятельницы.

Свои изрядные натуральные размеры Мамаша увеличивает огромным пробковым турнюром, издающим глухой стук и выбрасывающим облачко пыли при ударе о сиденье.

С протяжным свистящим вздохом рухнув в кресло, миссис Чаппел тяжело переводит дыхание и похлопывает ладонью по левой ноге, которую Полли тотчас осторожно приподнимает и укладывает на подножную скамеечку.

— Моя дорогая, — немного отдышавшись, хрипит миссис Чаппел. Губы у нее лиловые. — Душенька Анжелика. Мы только что из Бата. Я сократила наше пребывание там — спешила удостовериться, что ты хорошо устроилась. Ночами не спала от тревоги за тебя — правда ведь, золотки мои? Даже вообразить не можешь, до чего я огорчилась, когда узнала, какие комнаты ты сняла!

— На очень короткое время, — указывает ей Анжелика. — Там вышло финансовое недоразумение.

Она бросает взгляд на девочек, которые сидят рядком на диване и с интересом наблюдают за разговором, чуть наклонив головы набок. Кожа у них чистая, без единого изъяна; их маленькие тела, тонкие и стройные, как манекены, прикрыты лишь воздушным белоснежным муслином платьев-шениз.

— Я еще не представила тебя моей Китти, — говорит миссис Чаппел и протягивает руки к самой младшей из своих подопечных. — Ну-ка, встань.

Девочка делает заученный реверанс — долговязое создание с длинной шеей и огромными прозрачными глазами, бледно-серыми, как сыворотка из-под простокваши.

— Тоцевата, — говорит Анжелика.

— Но изящно сложена, — отвечает миссис Чаппел. — Мы ее откармливаем. Я нашла ее на Биллингсгейте, всю облепленную рыбьей чешуей и воняющую, как помойка, — верно, детка? А ну, повернись-ка кругом. Дай миссис Нил рассмотреть тебя хорошенько.

Юбка легко шелестит, от текучих складок веет ароматом петигренового масла. Девочка двигается медленно и осторожно. Миссис Фрост разливает чай в углу. Мелодично

звенит фарфор, и Полли с Элиной разносят чашки, в то время как хозяйка продолжает говорить, затрудненно и прерывисто. Она дышит так, словно исполняет оперную партию: каждую фразу произносит на одном выдохе и набирает полную грудь воздуха, прежде чем произнести следующую.

— Мне сказали, она переболела оспой. Но оспа, видать, была совсем легкая: на ней ни единой рябинки не осталось. Отменного качества девочка. Смотри, как она держит спину. Я ее этому не учила: это природная осанка. Покажи свои щиколотки, Китти.

Китти приподнимает подол. У нее маленькие узкие ножки в серебряных туфельках.

— Она хоть умеет прилично изъясняться? — спрашивает Анжелика.

— Это наша следующая задача. Рот у нее тоже что помыка. Поэтому она его открывает только с моего разрешения.

Они умолкают, придирчиво разглядывая девочку, — во всяком случае, перестают разговаривать, ибо миссис Чаппел свистит легкими, как волынка, даже когда молчит.

— Над ней еще работать и работать, — наконец роняет Анжелика.

— А мне такие нравятся. Больше всего хлопот доставляют как раз девицы из среднего сословья. Которые учились в частной школе. Играют на фортепьянах. Имеют собственные понятия об изысканных манерах. Нет, я всегда отдам предпочтение уличной оборванке перед дочерью торговца. Тогда не приходится переделывать чужую работу.

— Я — дочь торговца.

— Ну и посмотри на себя! Ни богу свечка, ни черту огарыш. Увлекаешься каждой фантазией, которая взбредет в голову. Мне больно слышать, что у тебя каждую неделю все меняется: то замуж собираешься, то хороших клиен-

тов обслуживаешь, а то, стыдно сказать, на панель выходишь... — Она шумно переводит дух, сурово глядя на Анжелику влажными заплывшими глазами. — Хотя я тебя совсем не к этому готовила.

— Никогда я такого не делала, — возражает Анжелика.

— Я слышу то, что слышу.

— Ну, возможно, изредка мне и случалось выходить на панель. Но кого из нас нужда не заставляет?

— *Мои* девушки до такого не опускаются. Ты хоть понимаешь, как твоя репутация отражается на моей? — Миссис Чаппел шумно откашливается и переходит к делу. — Так вот, миссис Нил, я знаю, что ты оказалась в бедственных обстоятельствах не по своей вине и что многие лучшие наши клиенты очень высоко тебя ценят. С самого дня твоей тяжелой утраты они непрерывно спрашивают о тебе. «Где наша любимая маленькая беляночка? Где наша милая подружка с прелестным голосом?» Что мне им ответить? — Она берет руку Анжелики и прижимает к своей могучей груди, обтянутой тафтой.

— Можете сказать им мой адрес, — говорит Анжелика. — Вы же видите, я здесь хорошо устроилась. И совсем рядом с площадью, очень respectable место.

— Ах, Анжелика, но ты же совсем одна! Сердце рвется, на тебя глядячи, такую незащитную. Душенька моя, в нашей обители есть для тебя комната — и всегда будет. Может, подумаешь о том, чтобы вернуться к нам?

Полли, Элинора и Китти воспитываются в такой суровой строгости, как мало кто в мире, но всякий раз, когда бдительное внимание наставницы от них отвлекается, они снова превращаются в сущих детей. Вот и сейчас девочки ерзают и подпрыгивают на диване, заражая друг друга возбуждением. Они совершенно очарованы Анжеликой и хотят, чтобы она, как старшая сестра, пела с ними дуэтом и учила делать новые прически. А поздно ночью, когда

мужчины наконец забываются сном, она будет раздавать им чашки горячего шоколада и рассказывать истории из собственного своего порочного отрочества. Они смотрят во все глаза, как миссис Чапел подается вперед и кладет ладонь Анжелике на руку.

— У меня просто гора с плеч свалится, если ты снова поселишься под моей крышей.

— И кошелек изрядно потяжелеет, когда вы станете продавать мои услуги. — Анжелика улыбается тончайшей из своих улыбок.

Миссис Чапел большая мастерица вести задушевные разговоры, но только на своих условиях.

— Дело вовсе не в этом, — взволнованно частит она. — Я не об этом забочусь в первую очередь. Да и какая разница? Я предлагаю тебе прежде всего защиту и покровительство. Ну рассуди хорошенько, моя дорогая. Особый врач; постоянный поток приличных клиентов; всем сомнительным от ворот поворот. Никаких счетов. Никаких приставов. — Взгляд у нее цепкий, напряженный, как у кошки, следящей за мышью. — Мы живем в городе, полном опасностей. — Она хлопывает Анжелику по руке и весело продолжает: — А когда ты найдешь нового покровителя... ну, тут и говорить нечего. Ты тотчас же получишь увольнение.

Лицо миссис Фрост, стоящей в углу, выражает крайнюю степень отчаяния. Она пытается поймать взгляд Анжелики, но Анжелика не в силах на нее посмотреть.

«Я далеко не так молода, как эти девочки, — думает она. — У меня осталось лишь несколько сезонов, чтобы показать себя в полном блеске».

После долгой паузы она говорит:

— Я знала, что вы позовете меня обратно. И я безмерно благодарна вам, мадам, что помните обо мне. Вы истинный друг.

— Я просто хочу тебе помочь, голубонька.